

© 2010 г. А.Л. ШИЛОВ

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ПУТЕЙ ЭКСПАНСИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ПОДМОСКОВЬЕ

Несмотря на то, что диалекты восточных славян были весьма близки, в них имелись и специфические термины (или специфические варианты общеславянских терминов), и свои фонетические особенности. Это дает возможность, на основе ареального анализа некоторых групп топонимов, уточнить пути миграции и области преимущественного расселения летописных племен (вятичи, кривичи, северяне) в Центральной России. Детальный анализ, произведенный для территории Суздальской Руси, показал, что первая волна кривичей, чей диалект лег в основу русских говоров этой территории, шла не по Верхней Волге (из полоцко-смоленских земель), а севернее – по Мсте, а затем по Тверце и Мологе, т.е. из псковско-новгородских пределов.

Ареальный метод в исследовании топонимии (проще говоря – картографирование топонимов или их элементов – основ, топоформантов) неоднократно приводил к ярким и достоверным результатам, верифицирующим данные археологии, этнографии, языкознания (или, напротив, верифицируемым данными указанных наук). Топонимические данные издавна широко и плодотворно используются для реконструкции границ расселения той или иной этнической (языковой, диалектной) группы, равно как и маршрутов древних миграций населения.

Перенос топонимов, как и местных географических и хозяйственных терминов (особенно тех, что являлись диалектизмами еще на прародине будущих мигрантов, либо ставших таковыми уже в новых местах обитания – в соседстве с иными родственными диалектами, либо, наконец, заимствованными на путях миграции), а также специфических словообразовательных моделей является свидетельством перемещения самих носителей топонимии. О.Н. Трубачев неоднократно подчеркивал значение ономастики как «сигнала об особых этнолингвистических отношениях древности» [Трубачев 1971; 1974: 63]. Ср. также: «Подлинно тождественные названия драгоценны для науки: раз они одинаковы не случайно, значит они отражают общность тех, кто их создал <...> Основных причин тождественности две: миграции населения и параллельное возникновение из одинаковых условий» [Никонов 1965: 114]. Справедливо и следующее утверждение «Принято считать, что топоним этнического происхождения – это такое географическое название, в основе которого лежит обозначение какого-либо этноса – племени, рода или более мелкого родо-племенного ответвления. Но этнической, т.е. заключающей в себе этническую информацию, делает топонимию и просто возможность соотнесения ее с каким-либо этносом <...> В таком случае в топонимах (преимущественно гидронимах) отражается не название этноса, а признаки его языка» [Смолицкая 1987: 23].

Приведем некоторые примеры, ограничиваясь восточнославянской топонимией. Распространение апеллятива *лоск* 'овраг, низина, лощина' по данным топонимии в целом совпадает с территорией расселения вятичей по ПВЛ; он носил диалектный характер [Смолицкая 1978]. Совпадение ареала гидронимии от общеславянских **dьbrь*/**dьbrь* (р. *Дебря* и др.) с ареалом археологической культуры кривичей в бассейне нижнего течения Вислы, Верхнего Поднепровья и среднего левобережного Поочья дает основание считать, что в языке кривичей было активно слово *дебрь*. Точно так же совпадение

ареала топонимии от общеславянского **dolъ* с ареалом культуры вятичей, выявленным археологами, – тоже факт этнического характера [Смолицкая 1987].

В народной ботанической терминологии хорошо известны названия растительных сообществ озерных, стоячих или медленно текущих водоемов *сита* и *рогоз*. Исследования по географии этих терминов показывают, что *сита* и производные от него топонимы распространены на севере и северо-западе славянских территорий, преимущественно к северу от параллели 50° с.ш., что позволяет связать их с областью расселения кривичей и новгородских словен. Термин *рогоз* и соответствующая топонимия хорошо представлены в среднем Поднепровье и на Карпатах, что говорит о вятичской (очевидно – и полянской и др.) принадлежности этого термина [Смолицкая 1981].

В подсечном земледелии этап вырубки леса и раскорчевки вырубленного участка характеризуется терминами, образованными от корней *дор* и *тереб*. Хотя значение этих терминов практически одинаково, области их распространения оказались различными. Термины от корня *дор* господствуют к северу от Москвы, вплоть до Архангельской области, и к западу до нижней и средней Вислы, а от корня *тереб* – к югу и юго-западу, вплоть до Карпат, Чехии и Венгрии [Там же]. Такое географическое положение областей с преобладанием этих терминов позволяет связывать *дор* с областью расселения кривичей и новгородских словен, а *тереб* – вятичей, полян и иных южных восточнославянских племен.

Некоторые ареалы имеют более узкое распределение. Они особенно показательны и ценны, если соответствующий апеллятив являлся диалектным или вовсе специфичным на славянском фоне. Так, специфический ареал в вятичских землях верхнего и среднего Поочья образует земледельческий термин *корь/корёк* (на фоне более распространенного *корч-*) [Смолицкая 1970] (поддержано в [Трубачев 1997: 108–109]). Ареал гидронимов *Чечера*, *Чечора* (*чечера* ‘старица’) маркирует путь расселения вятичей в Восточной Европе [Шилов 2006]. Ареал гидронимов *Обыток/Обиток* (*обыток* ‘речной остров’ на фоне общевосточнославянского *оток*) указывает на область первоначального расселения и зоны позднейшей экспансии северян [Шилов 2002; 2005; 2007а].

Сложнее дело обстоит с гидронимами, основанными на термине *плота* ‘лог, балка’. Ареал соответствующих топонимов охватывает древние земли как вятичей, так и северян, а истоки самого славянского слова неясны (конкурируют славянская, балтская и финская (через балтское посредство) версии; топонимия указывает на юго-восток Прибалтики как на возможный исток ареала) [Трубачев 1994: 9; 1997: 303; Шилов 2007а].

Теперь сузим поле зрения и обратимся к Подмоскovie – будущей юго-западной периферии Владимиро-Суздальского княжества и к некоторым соседним территориям.

Археолог В.В. Седов, активно привлекавший в своих работах топонимические данные, в свое время писал: «Славяно-русский гидронимический пласт в Центре относительно поздний. Археологи разработали детали славянского освоения этой территории – выявлено несколько разновременных потоков колонизационного движения, намечены племенные ареалы славян. Однако каких-либо различий в славянской гидронимии этих ареалов пока не обнаруживается (выделено нами. – А.Ш.). Отчасти это оправдывается тем, что славяне в период освоения рассматриваемой территории не были четко дифференцированы в диалектном отношении. Тем не менее, детали славянской колонизации должны были бы отразиться в гидронимии. Очевидно, тема “Славянское расселение в Центре по данным гидронимии” еще ждет исследователей» [Седов 1974: 33].

Однако уже в 1971 г. появилась статья О.Н. Трубачева, в которой излагались основные критерии присутствия той или иной славянской племенной группы по топонимическим данным (применительно к Подмоскovie речь шла о полянах и вятичах)¹ [Трубачев 1971]. Позднее этими вопросами активно и успешно занималась Г.П. Смолицкая (см. о ее работах выше). Нами, как уже говорилось, была показана вятичская принадлежность гидронимов *Чечера* (исток которых можно видеть в западнославянских землях), а также инновационных (вятичских же) гидронимов *Нахабна* [Агеева, Шилов 2005].

¹ Не говорим уже об еще более ранней работе Ф. Буяка [Buřak 1949].

Но, как известно, в Подмосковье и ближайших к нему территориях встретились два колониционных славянских потока: юго-западный вятичский (о топонимических проявлениях которого достаточно сказано выше) и северо-западный кривичский (к кривичам, по мнению многих авторов, добавились позднее и новгородские словене)². Историк В.А. Кучкин пишет: «Земли Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья, с течением времени ставшие географическим ядром русской государственности <...>, были заселены славянами в сравнительно позднее время. Работы археологов выявили три основных направления славянской колонизации этой территории: с северо-запада по рекам Мсте, Мологе, Волге и далее по правым притокам Волги и левым притокам Клязьмы шла колониционная волна новгородских словен, ославянившейся веси и, возможно, чуди; с запада, с верховьев Днепра и Волги сюда двигались смоленские кривичи; со стороны юго-запада и юга по Оке и далее вверх по ее левым притокам расселялись вятичи. Начало проникновения словен в междуречье Волги и Оки приходится на рубеж IX и X вв. Примерно в то же время началась и кривичская колонизация этого региона. Вятичи появились здесь несколько позднее – в конце X – начале XI в.» [Кучкин 1984].

Собственно говоря, вслед за А.А. Шахматовым, считается, что в основу говоров Владимиро-Суздальского княжества лег восточнокривичский (он же южнокривичский, смоленско-полоцкий) диалект [Мельниченко 2007; Николаев 1988; Зализняк 1988: 176]. Археолог В.В. Седов полагает, что кривичская колонизация Волго-Окского междуречья началась в основном в XI в., и подчеркивает: «не подлежит сомнению, что осуществлялась она из Смоленской земли» [Седов 1982: 189]³. Не только археологические, но и лексические данные [Николаев 1988: 118–119, карта 2] рисовали «кривичский пояс» по Верхней Волге и ее правобережью вплоть до Оки южнее, без захвата более северных территорий⁴.

В то же время, топонимические признаки кривичского диалекта во Владимирско-Суздальских землях, как кажется, в литературе специально не рассматривались. Между тем, явно кривичские по происхождению топонимы на данной территории оказались достаточно выразительными. Забегая вперед, позволим себе утверждать, что указывают они, вопреки вышесказанному, вовсе не на южных и восточных (полоцко-смоленских) кривичей или новгородских словен, а на северных (псковских) кривичей как первых славянских насельников Суздальской земли.

Для начала рассмотрим два специфических топонимных ареала, маркирующих, по нашему мнению, древний «северный» путь кривичей на восток – вплоть до Ростово-Суздальской Руси (см. также наши ранние работы [Шилов 2002; 2005]). Первый (и основной) из них содержит элемент *гвозд*⁵:

Гвоздово, Гвоздовичи, Гвозды (3) – селения в Белоруссии [Жучкевич 1971];
мохъ Гвоздавской (близ р. Олтица и оз. Ольшанское) в Смоленской обл., 1729 г.;

² «Словене и восточные кривичи, в силу стеснявших их с запада и с юга условий, направляют свои колониционные движения на восток и северо-восток... Москва лежала на самой племенной границе между восточными кривичами и вятичами: первые сидели восточнее и севернее Москвы, вторые – западнее и южнее от нее» [Шахматов 1915: 111–112].

³ Согласно В.В. Седову, ареал кривичских браслетообразных височных колец с завязанными концами от Верхнего Поднепровья уходил на восток. Сначала он узкой полосой тянулся между поречьем тверского течения Волги, Москвы-реки и Клязьмы, затем расширялся, охватывая Ярославское Поволжье и всю Владимирско-Суздальскую землю. На Владимирщине кривичи пересекли Клязьму и заселили часть мещерско-муромских земель, включая северные районы будущей Рязанской земли.

⁴ Ср.: «Следует обратить внимание на то, что на старой кривичской территории все показанные на карте изоглоссы “кривичского пояса” одновременно засвидетельствованы лишь на южно-псковской территории, приблизительно в районе Опочки» [Николаев 1988: 138].

⁵ Помимо указанных ниже источников, использованы топографические карты 1 : 200000 и материалы каталога [Смолицкая 1976].

Загвоздь у р. Можайка в истоках Зап. Двины;
Загвоздь на р. Скоковка в правобережье Верхней Волги;
Гвоздянский погост – центр *Гвоздинской губы* к юго-востоку от Чудского озера, 1585–1587 гг. [Янин 1998: 117];
Гвоздово на р. Ждыня, лп р. Полы басс. оз. Ильмень;
Гвоздец – дер. в СЗ Приильменье (1497/98 г.) [Анкудинов 2007: 289];
Загвоздь на Волхове, в 8 км выше Старой Ладogi;
Гвоздки на оз. Холмское в верховьях Березайки – лп Мсты;
Гвоздень (*Гвозденский ручей*) – пр. Чагодоши (не позднее 1598 г.);
Гвоздино (ныне *Старое Гвоздино*) в Бежецком Верхе (в верховьях Мологи), XV в. [АСЭИ, 3: № 82];
Гвозды Городецкого уезда (близ Бежецка на Верхней Мологе), ок. 1570 г. [ПKNЗ, 3: 212];
лес Гвоздевский у р. Сохоть басс. Мологи;
Гвоздни на р. Могоча близ Торжка (XVI в. [АСЭИ, 3]; чертеж 1680 г. [Кусов 1993: № 445]);
 р. *Гвозденка* у Переяславля-Залесского (XV в. [АСЭИ, 3: № 472]);
Гвоздинка (*Гвосковка*)⁶ – пр. Горковки, л.пр. Нерли, л.пр. Клязьмы;
Гвоздня – пп Вельги, лп Нудоли, пп Истры (1567–1569 г. [РУПК]);
Гвоздня (план 1663 г. [Кусов 1993: № 236]), *Гвозденка*, ныне *Гвоздянка* – лп Пахры;
Гвоздна (*Гвоздня*) – волость (1336 г. [ДДГ: 7]) по р. *Гвоздна* басс. Цны – лп Оки;
Гвоздня – пп Москвы меж Пахрой и Северкой;
Гвоздянка (*Гвоздевка*) – лп Оки ниже Москвы-реки;
Гвоздня и *Гвозденка* – рр. басс. р. Устань, пп Щуровца, лп Оки ниже Цны;
Гвоздовка – пп Черепети, пп Оки;
Гвозденка (*Гвоздевка*) – лп Скниги, пп Оки.

Ареал этот является продолжением южно- и западнославянского массива топонимов (см. *Гвозд* в Черногории, *Загвозд* в Хорватии, *Гвозд* и р. *Гвозднице* в Словакии, *Гвоздец*, *Гвоздов*, *Гвоздовка*, *Загвоздь* на западе Украины и др.), которые связаны со слав. **gvozďь*, ср. старое диалектн. серб.-хорв. *гвозд* ‘лес’, др.-чеш. *hvozď* ‘лесистые горы’, чеш., словц. *hvozď* ‘большой густой лес’, др.-польск. *gwozd* ‘лес в гористой местности’ [ЭССЯ, 7: 185]). В исторических и диалектных словарях русского языка слова *гвозд* ‘лес, лес на возвышенности’ нет, хотя оно присутствует в рязанском документе XV в.: «в вотчине в Обедовце за рекою... по *гвость* к Салотче прямя» [АСЭИ, 3: № 341a]. Заметим, что еще А.М. Селищев справедливо связывал название древней подмосковной волости *Гвоздна* не с *гвоздем*, а с *гвоздом* в значении ‘лес’, ничуть не сомневаясь в реальности этого слова у восточных славян [Селищев 1968: 64]. Но здесь необходимо существенное уточнение.

На восточнославянской территории топонимный ареал «гвозд» весьма специфичен. Западная его часть практически совпадает с исходной областью летописных кривичей в Восточной Европе: «кривичи же седять верхъ Днeпра и верхъ Двины и верхъ Волги». Как можно видеть, из Белоруссии он разреженно уходит на северо-восток – к верховьям Западной Двины, Днeпра и Волги (район летописного Оковского леса), и... затем к востоку обрывается. Подобные названия появляются лишь в Подмосковье. Если довериться выводам археологов и лингвистов (см. выше), может создаться впечатление, что восточные кривичи, достигнув верховьев Волги, быстро по ней пробежали (проплыли), утерев пот лишь в Суздальских (мерянских) землях. Это, конечно, несерьезно.

Зато мы видим, что очень четко выраженная топонимическая изоглосса наводит скорее на мысль о «северных», псковско-новгородских кривичах, которые появились в Восточной Европе, очевидно, ранее своих полоцких и смоленских сородичей [Седов

⁶ Колебание формы названия соответствует севернокривичскому преобразованию **stj*, **zđj* > [ш'к'] ([с'к']), [ж'г'] [Зализняк 1988: 168].

1994]⁷. Эта изоглосса уходит от Белоруссии сначала на север, в Причудье и Приильмье, затем – на восток (Помостье и Помоложье), а потом – на юг по Тверце и Шексне до Волги – до древних Ростово-Суздальских земель, включая Подмоскovie, и до северных пределов древней Рязанской земли. Таким образом, кривичи, видимо, впервые прошли (в Суздальские земли) тем путем, что имплицитно «закреплялся» за более поздней миграцией новгородских словен.

Особенно выразительна описанная изоглосса на фоне аморфного ареала топонимов с элементами *гост/гоща*, который, развивая на восток соответствующий общеславянский топонимический тип, очерчивает в целом область раннего славянского освоения Восточной Европы. Этот ареал, надо сказать, гетерогенен. Часть соответствующих топонимов явно происходит из йотовых посессивов от двухосновных личных имен на *-гость* [Васильев 2005: 123–168], другая, и очень значительная, – от общеславянского **gostь* (вариантом которого и является **gvozдь*), др.-русск. **гость* ‘лес’ и производного от него **гоща* ‘подсека, пожара; сведенный лес’ [Шилов 1996: 79–85; 2007б]. Подобные названия особенно массовы в областях расселения как новгородских словен, так и полян и вятичей, но не в кривичских областях. Соответствующие топонимы, доходящие на северо-востоке до западной части Вологодской области, а на юго-востоке – до Рязанской, Тульской, Орловской и Воронежской областей, выклиниваются в восточной части *гвозд*-ареала⁸, т.е. в Ростово-Суздальских землях [Смолицкая 1974: 60–61]⁹.

Любопытно, что, как указано выше, археологические и лексические данные рисовали «кривичский пояс» южнее – по Верхней Волге и ее правобережью вплоть до Оки, без захвата бассейнов Мсты и Мологи.

Приведенные же топонимические (см. ниже и *вельга*) и новые археологические данные по бассейну Мологи [Башенькин 1993; 1999] свидетельствуют об очень раннем проходе кривичей по «северной дуге», проходе, завершившемся в Подмоскovie и некоторых ближайших к нему территориях¹⁰. На «южном» же, т.е. верхневолжском маршруте (до устья Тверцы), подобных названий нет именно по той причине, что кривичская миграция на восток и юго-восток из смоленско-полоцких пределов осуществлялась позже, когда термин *гвозд* уже ушел из речи этой кривичской группы.

Вторая («вспомогательная») группа топонимов, рассматриваемая в данной работе, содержит элемент *вельга*. Формально к соответствующему ареалу можно отнести следующие названия:

Вельга (болотом *Вельгою* в Пинском р-не Белоруссии, 1561–1566 г. [ПКПС: 91]).

Вельго – оз. в Псковской земле;

Вельгия – пп Мсты у Боровичей;

Вельга (и оз. *Велго*) – р. басс. р. Глубокая басс. Паши;

Белая Вельга – болото в левобережье Колпи – пп Суды;

Вельга – ручей, *Глухая Вельга*, *Туманова Вельга* – болота в Кадуйском р-не Вологодской обл.

Семеновские Вельги – торфяной массив, *Крылошенская Вельга* – болото в Хвойнинском р-не Новгородск. обл.;

Заболотская Вельга – болото у р. Смердомка – пп Чагоды;

⁷ Есть много оснований полагать, что первым разделением славян являлось разделение на кривичей и всех прочих славян. Этим объясняется не только архаичность кривичского (древне-новгородского) диалекта, но и ряд его сепаратных инноваций (см. [Соколянский 2003: 270–271, с лит.]).

⁸ Равным образом, выклинивается этот ареал и в псковских землях – в бассейне р. Великой [Васильев 2005: 166; карта 6].

⁹ Эта лакуна особенно бросается в глаза на фоне отсутствия таковой для ареала топонимов с *l-epentheticism* (сводку соответствующих названий см. в [Агеева, Микляев 1969]), также маркирующего область раннего восточнославянского расселения.

¹⁰ Ср.: «Славяно-русское население проникает в Залесскую землю уже в IX столетии. Сюда по Мсте – Мологе – Волге хлынул поток переселенцев с северо-запада из районов новгородских земель» [Дубов 1990: 96].

Перечерские Вельги – болото в левобережье Чагоды;
Вельги – урочище в Устюженском р-не Вологодской обл.;
Вельга – озерко в болотах меж верховьев Орши и Сози – лп Волги;
Вельга – лп Ламы, лп Волги (XV в.) [АФЗХ, 2: № 2];
Вельга – лп Нудоли, лп Истры в Подмосковье (1510 г.) [АФЗХ, 2: № 47];
Вельга – пр. Поли, лп Клязьмы;
Велго – оз. в бывшем Спасском уезде Рязанской обл.

Топонимы этого типа полагали славянскими, причем перенесенными именно кривичами из бассейна Вислы, где уже с XIV в. известно употребление слова «большой» в форме *wielgi* (ср. там р. *Wielga*, бол. *Wielgi Rów*, оз. *Wielgie Gluche* и др.) [Агеева 2004: 158–159]. Ряд обстоятельств не позволяет, однако, принять данное объяснение для большей части приведенных названий. С некоторой долей вероятности оно может быть принято разве что для первых двух приведенных топонимов (т.е. они потенциально могут рассматриваться как восточная периферия западнославянского ареала «*wielgi*»). Но уже мстинское название *Вельгия*, в силу своей финали, является, скорее всего, «чудским» по происхождению. Далее к востоку наблюдается необъяснимый (в предположении единства ареала) разрыв.

В большинстве остальных случаев понятие «большой» вступает в резкое противоречие с размером соответствующих объектов – небольших речек, озер (как правило, в болотистой местности) или болот. Поэтому более оправданно связывать эти названия с термином *вельга*, ныне известным на северо-востоке Новгородской и северо-западе Вологодской областей в значении ‘чистое травянистое или моховое болото; топкое место, топь на болоте; низкое сырое заболоченное место; сухое место на болоте; покос на болотистом месте; болотная трава’. Его связывают с прибалтийско-финскими лексемами типа фин. *väljä* ‘обширный, широкий, большой, обильный (о воде); редкий; общественный лес, выгон, пастбище’, *välkeä* ‘обширный, просторный, редкий’, *välkky* ‘редкий, просторный, обширный; открытое место (в лесу), невсхожее место, проталина’ и т. п. [МСФУЗС: 79–81]. Нам более оправданным здесь видится иной источник – саамский (в указанном регионе бытования термина *вельга* саамских субстратных названий немало). Ср. с саам. *vielgad* ‘белый’ (*Vielgij* – кличка белолобого оленя) [KKLS: 741–742], а типологически – с русск. диалектн. *бель* (из *белый*) ‘моховое чистое болото; сенокос на сыром месте’, *белевина* ‘болотистое место, осока’ [СГРС: 90, 97].

Впрочем, то, что термин *вельга* отчетливо заимствован, для нас не столь существенно (как не существен, в конечном итоге, конкретный источник его заимствования), ибо основанные на нем названия являются уже заведомо славянскими по происхождению. Нам важно их распределение. А соответствующий ареал выразительно дублирует восточную часть «северно-кривичской трассы» термина *гвозд* (вплоть до того, что истринская *Вельга* имеет притоком речку *Гвоздню*).

Мы видим, что многие из обсуждаемых названий, несмотря на относительно малый размер соответствующих географических объектов, достаточно рано упоминаются в письменных документах, а точнее – столь рано, с какого времени эти документы для данных территорий вообще известны. Естественно, что письменная фиксация тех или иных топонимов (независимо даже от времени возникновения деловой и государственной документации как таковой) заведомо существенно отстает от времени их возникновения. Тем не менее, указанный факт присутствия ряда интересующих нас «кривичских» топонимов в ранних актах деловой письменности весьма показателен. Археология же на настоящий момент фиксирует наличие кривичских курганов VIII в. в Верхневолжье (Валдай, р. Шлина), VII в. на Мсте (у устья Белой) и V–VI вв. в басс. Мологи (рр. Чагода, Кабожа, Песь); в Московском регионе – минимум с XI в.

Но может быть, рассмотренные названия – это все-таки онимотворчество восточных кривичей, которые, по неясным для нас причинам, двинулись на восток не прямым путем по Верхней Волге (скажем, из-за противодействия местных неславянских племен), а огромной северной дугой, прошествовав мимо северных, т.е. псковских кривичей?

Нет. Если мы от исторической лексики перейдем к исторической фонетике, то увидим следующее. Надежно установлено, что в древнепсковском (resp. севернокривичском) диалекте реализовался рефлекс *kl*, *gl* праславянского **dl*, **tl* (на фоне рефлекса *л* иных восточнославянских, в том числе – и южнокривичских диалектов): *виглы*, а не *вилы*, *егла*, а не *ель*, *клещ*, а не *лещ*, *мыгло*, а не *мыло*, *сегло*, а не *село* и т. д. [Зализняк 1995: 40–41]¹¹. На основании данных писцовых книг, А.А. Зализняк говорит о том, что в западных новгородских пятинах (Водской и Шелонской) топонимы, в которых отражено это явление, господствуют, в то время как в восточных (Обонежской, Деревской и Бежецкой) с ними активно конкурируют топонимы с *л* (типа *Лещево*, *Елино*, *Вилино*) [Зализняк 1988: 167]. В целом это совершенно верно, но географическая привязка топонимов с *gl* в восточных пятинах показывает, что они там распределены отнюдь не равномерно, а почти исключительно сосредоточены вдоль вышеописанной северной «трассы кривичей» (с особым сгущением в районе верховьев Мсты и Мологи, где также часты топонимы с элементом *гвозд*)¹². Нами найдены следующие примеры.

Виглино – дер. Покровского в Сорогошине погосте Бежецкой пятины (1568 г.) [ПKNЗ, 3: 155, 156], ныне дер. Лесновского р-на Тверской обл. меж двух истоков р. Обретинка – лп Сарагожи, лп Мологи; *Вигла* – пп Трубежа (Рязанского), пп Оки.

Еглинская – дер. Никольского на Оште погоста; *Еглино* и *Еглино на горе* – дер. Михайловского в Озерах погоста на Тихвине (1563 г.) [ПКОП: 56, 226]; оз. *Еглино* на р. *Еглинка* – пп Поломети; *Егла* – дер. на Мсте выше Боровичей; *Еглино* – дер. на оз. *Еглино* басс. оз. Городно в правобережье Песи; *Егловка* – пр. Каменки, пп Гуся, лп Оки в Мещере.

Сеглино – дер. на р. Мста в Бологовском р-не Тверской обл.; *Зеглино* – дер. у оз. Городно в правобережье Песи.

Наибольшую известность из подобных названий имеет, конечно, озеро *Клецино* (ныне *Плещеево*), на котором стоит Переславль-Залесский, ибо оно упомянуто уже Начальной летописью: «На Ростовском озерѣ Меря а на *Клецинѣ* озере Меря же» [ПСРЛ, 1: 11]. Название это отнюдь не одиноко, см.: волостка *Клещево Поле* (позднее *Клещеполье*) в Турчасовском уезде на р. Онега (1550 г.) [АСМ: 101]; оз. *Верх.*, *Ниж.* *Клецино* и дер. *Клецино* басс. оз. Городно в правобережье Песи; оз. *Клецино* и дер. *Бол.*, *Мал. Клецино* в басс. оз. Пирос на Березайке (граница Тверской и Новгородской обл.); дер. *Клецово* Покровского погоста на ЮЗ Бежецкой пятины (1498/99 г.) [ПKNЗ, 3: 242]; дер. *Клецино* и оз. *Клецино* Удомельской волости в Бежецкой пятине (1498/1499 г.) [ПKNЗ, 1: 158, 159] (север Тверской области в междуречье верховьев Мсты и Мологи); оз. *Клецино* на р. *Клециница* (ныне *Клеценка*) – пр. Руны, пп Волги при ее выходе из оз. Стерж (1493 г.) [ДДГ, № 77: 290–291]; дер. *Клещево* Конаковского р-на на ЮВ Тверской обл.; овраг *Клещевский* у р. Чусловка – лп Москвы выше Рузы; руч. *Клецинский* – лп Яузы; вершина *Клецинская* – исток Язвы, лп Беспуты, пп Оки (выше устья Осетра); р. *Клещевая* – пр. Вожи, пп Оки выше Рязани.

Таким образом, весь комплекс рассмотренных топонимических данных хорошо согласуется с новейшими данными археологии, свидетельствующими о реальности ранней «северной» трассы кривичской экспансии на восток – вплоть до восточно-вепсских и мерянских земель, в которых позднее и возникло государственное образование, условно именуемое Ростово-Суздальской Русью. Проникновение туда южных (полоцко-смоленских) кривичей, равно как и ильменских словен, – дела уже заведомо более поздних времен.

¹¹ Явного проявления иных фонетических севернокривичских особенностей (см. о них [Зализняк 1988; Николаев 1988]) в топонимии ожидать (вернее – надежно выявить) трудно; еще в большей степени это относится к особенностям морфологическим.

¹² См. высказывание В.А. Никонова «Подлинное тождество доказательно только в соответствии целого комплекса топонимов» [Никонов 1965: 115].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева 2004 – *Р.А. Агеева*. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. 2-е изд., испр. М., 2004.
- Агеева, Микляев 1969 – *Р.А. Агеева, А.М. Микляев*. Топонимы с -ля, -ль на Северо-Западе СССР и проблема восточнославянского расселения // Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1969.
- Агеева, Шилов 2005 – *Р.А. Агеева, А.Л. Шилов*. Нахабино // Рр. 2005. № 2.
- Анкудинов 2007 – *И.Ю. Анкудинов*. Предварительные итоги историко-географического изучения Ильменского Поозерья конца XV в. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Великий Новгород, 2007.
- АСМ – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
- АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1–3. М., 1952–1964.
- АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – начала XVI в. Ч. 1–3. М., 1951–1961.
- Башенькин 1993 – *А.Н. Башенькин*. Сопки и длинные курганы в юго-западном Белозерье // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России. Вып. 1. М., 1993.
- Башенькин 1999 – *А.Н. Башенькин*. Финно-угры и славяне на Кобоже и Чагодоше // Чагода. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1999.
- Васильев 2005 – *В.Л. Васильев*. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Дубов 1990 – *И.В. Дубов*. Новые источники по истории Древней Руси: Учебное пособие. Л., 1990.
- Жучкевич 1971 – *В.А. Жучкевич*. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1971.
- Зализняк 1988 – *А.А. Зализняк*. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.
- Зализняк 1995 – *А.А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Кусов 1993 – *В.С. Кусов*. Чертежи земли Русской XVI–XVII вв. М., 1993.
- Кучкин 1984 – *В.А. Кучкин*. Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Мельниченко 2007 – *Г.Г. Мельниченко*. К вопросу об этническом составе русского населения на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – начала XIII в. (на материале современных говоров) // Г.Г. Мельниченко. Региональная лексикология и лексикография. Ярославль, 2007.
- МСФУСЗ – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1. Екатеринбург, 2004.
- Николаев 1988 – *С.Л. Николаев*. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.
- Никонов 1965 – *В.А. Никонов*. Введение в топонимику. М., 1965.
- ПKNЗ – Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1. М., 1999; Т. 3. М., 2001.
- ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- ПКПС – Писцовые книги Пинского староства 1561–1566 гг. Ч. 1. Вильна, 1874.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997.
- РУПК – Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 годов / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М., 1997.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 1. Екатеринбург, 2001.
- Седов 1974 – *В.В. Седов*. Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Вопросы географии. Сб. 94. М., 1974.

- Седов 1982 – В.В. Седов. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Седов 1994 – В.В. Седов. Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.
- Селищев 1968 – А.М. Селищев. Избранные труды. М., 1968.
- Смолицкая 1970 – Г.П. Смолицкая. Географический термин *корь/корёк* // Вопросы географии. Сб. 81. М., 1970.
- Смолицкая 1974 – Г.П. Смолицкая. Картографирование гидронимии Поочья // Вопросы географии. Сб. 94. М., 1974.
- Смолицкая 1976 – Г.П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М., 1976.
- Смолицкая 1978 – Г.П. Смолицкая. Топонимический ареал и вопросы реконструкции лексической системы языка // ВЯ. 1978. № 4.
- Смолицкая 1981 – Г.П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка (проблема реконструкции): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1981.
- Смолицкая 1987 – Г.П. Смолицкая. Об одном этническом аспекте топонимики // Этническая топонимика. М., 1987.
- Соколянский 2003 – А.А. Соколянский. Откуда есть пошел новгородский хлеб (историко-морфологический этюд) // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003.
- Трубачев 1971 – О.М. Трубачев. Етимологічні споспереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонимії // Мовознавство. 1971. № 6.
- Трубачев 1974 – О.Н. Трубачев. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6.
- Трубачев 1994 – О.Н. Трубачев. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология 1991–1993. М., 1994.
- Трубачев 1997 – О.Н. Трубачев. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997.
- Шахматов 1915 – А.А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг, 1915.
- Шилов 1996 – А.Л. Шилов. Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.
- Шилов 2002 – А.Л. Шилов. Битца и Гвоздянка // Рр. 2002. № 2.
- Шилов 2005 – А.Л. Шилов. Топонимические свидетельства присутствия в Подмоскowie летописных восточнославянских племен (в свете идей О.Н. Трубачева) // История и культура славян в зеркале языка: славянская лексикография. III чтения памяти академика О.Н. Трубачева из цикла «Славяне: язык, история». Тезисы докладов и выступлений. М., 2005.
- Шилов 2006 – А.Л. Шилов. Термин *чечора* в волжской гидронимии // Ономастика Поволжья. Материалы X Международной конференции. Уфа, 2006.
- Шилов 2007а – А.Л. Шилов. География и происхождение некоторых топонимических основ в Центральной и Южной России // И.И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре (Материалы конференции). Рязань, 2007.
- Шилов 2007б – А.Л. Шилов. К географии и происхождению топонимии с элементами **hatcha* и *aho* // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 7. М., 1980.
- Янин 1998 – В.Л. Янин. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.
- Bujak 1949 – F. Bujak. Skąd przyszli Radymicze i Wjatycze na Ruś? // Światowit. T. XX. Warszawa, 1949.
- KKLS – T.I. Itkonen. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Helsinki, 1958.